

Отзыв
об автореферате диссертации Андрея Петровича Дмитриева
на соискание ученой степени доктора филологических наук
«Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850 – 1880- х годов»
(специальность 10. 01.01- русская литература).

Значимость научного исследования связывают, как правило, с новизной – новизной материала, новизной исследования и новизной авторских выводов. В диссертации А.П. Дмитриева все три вышеуказанных критерия соблюдены. Изучение Никиты Петровича Гилярова-Платонова, как справедливо указано в работе, по-настоящему только начинается. Поэтому материала, на который опирается диссертант в своем исследовании, если не целиком, то на 3/4 точно – новый. Анализ нового материала также предполагает новизну. Следовательно, весьма вероятно, что и выводы будут новыми, т.е. не повторяющими предыдущие, хотя бы в силу того, что предыдущих исследований было весьма мало. Однако А.П. Дмитриев предложил читателю и сделал нечто большее – он показал истинный масштаб личности и творческого наследия своего героя, до сей поры казавшегося одним из многих, интересным, но не очень ярким персонажем истории русской литературы второй половины 19 в.

Исследование А.П. Дмитриева выявляет, что такое представление было в корне неправильно. Никита Петрович Гиляров-Платонов предстает перед нами как своего рода новый Ломоносов, Ломоносов 19 века, энциклопедист по своим интересам и своим занятиям. Это и философ, и богослов, и писатель, и цензор, и редактор, и публицист, и преподаватель Духовной Академии. Не случайно А.П. Дмитриеву понадобилась целая глава работы (из 10 разделов), чтобы охарактеризовать все стороны деятельности Гилярова-Платонова и представить его научную биографию. Причем это сделано очень подробно. Автор останавливается на частных эпизодах деятельности Гилярова, таких как преподавание в Духовной академии, служба в цензурном комитете, участие в газете И.Аксакова «День», редактирование собственной газеты «Современные известия» и т.п. Каждый эпизод представляет собой элемент мозаики, из которой и складывается общественный и литературный портрет Н.П. Гилярова-Платонова. Однако каждый элемент этой мозаики сохраняет также и свое собственное, частное достоинство, не теряясь в общей картине.

Разумеется, широта исследуемого материала ставит закономерный вопрос о связи разных сторон деятельности Гилярова и правомерности их освещения в историко-литературном исследовании. Оказывается, и преподавание, и богословские штудии, и проповеди, и работа над историей Церкви, и лингвистические занятия – все это разные стороны единого литературного творчества. Как показано в работе, и к лекции, и к проповеди, и к статье, и к мемуарам Гиляров относился как к своего рода литературному произведению. Он создавал их, думая не только о цели, о смысле, но и о форме, о восприятии слушателем (читателем), о доступности. Самые споры и

литературные «конфликты» Гилярова-Платонова в таком контексте приобретают значимость и глубину, свидетельствуя о готовности к дальнейшему развитию, углублению своих воззрений и в то же время о принципиальности позиции Гилярова.

Создавая научную биографию Гилярова в первой главе своего исследования, А.П. Дмитриев постоянно вводит в оборот новые материалы. Так, о сложностях работы в Духовной Академии, о подготовке магистерской диссертации, о стиле преподавательской деятельности Гилярова-Платонова свидетельствуют неизвестные ранее воспоминания современников – протоиереев М.С. Боголюбского и В.М. Сперанского, Г.П. Смирнова-Платонова, Е.Е. Голубинского, а также конспекты лекций самого Гилярова-Платонова. Выделяя мировоззренческие и психологические причины конфликта Гилярова-Платонова и митрополита Филарета, А.П. Дмитриев широко пользуется архивными материалами, в частности, письмами гр. Д.Н. Блудова и гр. А.Д. Блудовой Гилярову и самого Гилярова к И.С. Аксакову и Н.Ф. Глебову. В жизнеописании Филарета, составленном Гиляровым, докторант прослеживает агиографические элементы, причем, как показано в работе, достаточно новаторские, лишенные «ненужного балласта этикетно-риторических изъявлений в благовении» (с. 19).

Определив в 1-й главе работы круг интересов и проблем, волнующих Гилярова, А.П. Дмитриев вторую главу диссертации «Н.П. Гиляров-Платонов как публицист и русская журналистика его времени» посвятил изучению его публицистического наследия. В этой главе приемы исследования несколько меняются: вместо монографического изучения отдельных эпизодов, А.П. Дмитриев в каждом разделе сопоставляет литературные отношения и взаимодействие, взаимовлияние двух или трех публицистов, занятых одной и той же проблемой. Автор диссертации показывает парадоксальность взаимного тяготения «публицистов-антиподов» М.Н. Каткова и Н.П. Гилярова-Платонова. Гиляров – «утонченный философ порой не вполне понятный широкой публики» (с. 24). Катков же – воплощение практической деятельности, рационалист, «поборник национально ориентированной государственной политики» (с.24). Сравнивая их в первом разделе, А.П. Дмитриев делает закономерный вывод: «если первый больше воздействовал на ум читателей, то второй – на их волю» (с. 24).

Во втором разделе прослеживается история создания сборника славянофильских статей «Русская идея» для немецкого издателя Ф. Боденштедта (вышел под названием «Русские фрагменты»), переведенных на немецкий язык. Особое место в сборнике заняла статья Н. Гилярова «Личное и общественное», в которой рассматриваются идеи коммунизма и индивидуализма. Гиляров противопоставляет им восточно-христианское, православное мировоззрение. К статье Гилярова написал полемические примечания И.К. Блюнчили, швейцарский правовед и государственный деятель, занимавший кафедру конституционного права в Гейдельбергском университете.

А.П. Дмитриев считает, что полемика И.К. Блюнчи с Гиляровым, по существу своему, была полемикой западной демократии (ибо идеи Блюнчи, как показано уже в самой диссертации, см. т. I, с. 236, легли в основу «современных демократий») с славянофильскими взглядами на общество (с. 24). Диссертант пишет о социальных взглядах Гилярова, о религиозном неприятии западного гедонизма, воспринимаемого славянофилами (и прежде всего Н.П. Гиляровым) как эгоизм. .

Сосредоточившись на анализе публицистических мотивов и проблем, А.П. Дмитриев вынужденно несколько раз (в различных контекстах) обращается к одному и тому же публицисту, сопоставляет его с другими публицистами и мыслителями. Так, к М.Н. Каткову автор обращается по меньшей мере дважды: и как к издателю «Русского вестника», с которым Гиляров сотрудничал, и как к автору статей о 50-летии служения митрополита Филарета (с. 23, 24 – 25). Дважды обращается автор в этой главе и к И.С. Аксакову. В диссертации сравниваются его публикации о чествовании Филарета и статьи М.Н. Каткова. В другом разделе анализируются взгляды И.С. Аксакова, Н.С. Лескова и Н.П. Гилярова на старообрядчество. Такое повторное обращение к тем же публицистам представляется вполне уместным, поскольку выявляет различия мнений по одному и тому же вопросу (с. 24 – 25). Продолжая исследование Гилярова «на фоне» других публицистов, автор сравнивает его с В.С. Соловьевым (с. 25, 27), разбирая их полемику о «всеславянском единстве» и кирилло-мефодиевском наследии, с К.П. Победоносцевым, сравнивая их взгляды на церковно-общественные вопросы (с. 27 – 28), наконец, с Т.И. Филипповым. В диссертации анализируется полемика Гилярова и Филиппова по поводу греко-болгарской распри 1872 г. Основой исследования служила переписка двух публицистов, выявленная и опубликованная, в частности, при участии самого диссертанта. Некоторое сомнение вызывает лишь определение «нравственно-практический» в названии 9-го раздела 2-й главы (с. 28). Дело не только в том, что «нравственно-практические» звучит не очень хорошо. Для славянофилов вся практика должна была исходить из их нравственных убеждений. Они не допускали расхождения слова и дела, теории и практики. Здесь же, на наш взгляд, как раз и присутствует некое раздвоение.

А.П. Дмитриев постоянно подчеркивает, что сам Гиляров смотрел на свою деятельность, в том числе и литературную, как на служение, на исполнение долга. Такое отношение объясняет его многочисленные споры даже с близкими ему публицистами и общественными деятелями. Принципиальность Гилярова, отстаивание им своих взглядов вопреки даже дружескому расположению постоянно прослеживается на протяжении диссертационного исследования, особенно заметно это в третьей главе, в которой анализируется литературная критика и мемуаристика Гилярова. Как показывает автор, Гиляров с самых ранних лет сторонился светской тематики, его первоначальные литературные и мемуарные произведения объединяет проблема греха, эсхатология (с. 29). Автобиографические воспоминания, по мнению автора диссертации, обладают «сложной

жанровой природой»: в них совмещаются черты эпопеи, романа воспитания, учительной проповеди и даже экспериментального романа (по типу романов Э.Золя) (с. 29). К сожалению, формат автореферата не предполагает подробных разъяснений, это скорее авторские тезисы, чем аргументированные суждения. И все же, как нам кажется, данный тезис стоило бы разъяснить. Ведь в самой диссертации Дмитриев высказывается осторожнее (и, пожалуй, правильнее). Ссылаясь на авторецензию самого Гилярова о книге «Из пережитого», он повторяет формулировку мемуариста (Гилярова), определяющего свою работу как научно-экспериментальное исследование (диссертация, т. 1, с. 408). Причем Дмитриев уточняет, что это скорее роман воспитания особого рода, испытавший влияние позитивизма, в том числе и романов Э. Золя (диссертация, т. 1, с. 408). С таким определением трудно не согласиться, тогда как в автореферате неразъясненное положение вызывает вопросы.

Четыре из 14 разделов третьей главы посвящено С.Т., К.С. и И.С. Аксаковым. Такое внимание вполне оправдано, ибо с Аксаковыми Гилярова связывали не только служебные, но личные дружеские отношения. Их взгляды во многом совпадали, хотя нередки были и ссоры, и конфликты – всегда принципиальные (с. 31). А.П. Дмитриев не скрывает сложности в отношениях Гилярова и его друзей. Между прочим, раздел об А.С. Хомякове назван: «Н.П. Гиляров и А.С. Хомяков: случаи разногласия в общении единомышленников» (с. 32). Наблюдения А.П. Дмитриева и в данном случае чрезвычайно интересны, а выводы убедительны и заставляют задуматься. Очень важно, что этот раздел построен на архивных документах, впервые отысканных и введенных в научный оборот непосредственно соискателем. То же относится и к разделу 3.8 о совместной работе Ю. Самарина и Н.Гилярова над богословскими сочинениями Хомякова (с. 32).

Последующие разделы (3.9 – 3.12) освещают восприятие таких писателей, как Л.Н. Толстой (с. 33), А.Н. Островский (с. 33), Н.С. Лесков (с. 34), Ф.М. Достоевский (с. 34 – 35). Исследование критических суждений о Достоевском построено по диалогическому принципу: суждения самого Гилярова сравниваются с оценками И.С. Аксакова, выявляются «расхождения, несогласия, совпадения» (с. 34). А.П. Дмитриев считает, что Н.П. Гиляров точнее оценил вклад Достоевского в культуру, не превращая его в «мирского святого» и в то же время не умаляя его религиозных прозрений и вдохновения (с. 34).

Раздел 3.13 связан с именем ученика Гилярова, полузабытого публициста И.Ф. Романова – Рцы (с. 35). В этом разделе уже Гиляров выступает как наставник, учитель будущих поколений. Анализируется также его переписка с Романовым-Рцы.

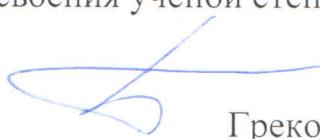
Диссертация А.П. Дмитриева, как показывает это и автореферат, представляет собой широкомасштабное и вместе с тем скрупулезно подробное исследование литературных взглядов, отношений и особенностей литературного творчества Н.П. Гилярова-Платонова, выходящее за границы узко-профессионального подхода, характерного подчас для исследований о

славянофилах и славянофильстве. Бессспорно, что диссертация внесет значительный вклад в изучение творчества славянофилов и в отечественное литературоведение в целом. Особенно значимо, что литературные критерии применяются ко всем видам творчества Гилярова, включая и его религиозно – философские сочинения. Последнее обстоятельство следует считать заслугой диссертанта. Религиозно – философская основа творчества Н.П. Гилярова-Платонова - не фон, не пласт, это, скорее, способ мышления писателя. Очень важно было это не просто уловить, а показать и проанализировать с филологических позиций. Именно это сделал А.П. Дмитриев и такой подход следует приветствовать. В то же время в обращении к религиозно –философским текстам нет дани моде, но присутствует желание не исказить убеждения исследуемого автора. Таким и должно быть серьезное научное исследование. В контексте диссертации реализуется изучение текста как значимого сообщения, обладающего собственной формой, зависящей от намерений и целей автора, и уже во вторую очередь – от содержания и задач самого текста. Текст, изучаемый как сообщение, сразу же становится значимым фактом культуры, а не только литературы своего времени. На это нацеливает автор с самого начала диссертации, говоря о культурной значимости творчества Н.П. Гилярова Платонова (автореферат, с. 3 -4). Не менее важно восприятие как своего рода текстов поступков, фактов биографии писателя. Известно, что Гиляров - Платонов был преподавателем Духовной Академии. Однако митрополит Филарет его уволил. Как выяснил автор диссертации, причина – в свободомыслии Гилярова, осуждавшего полицейский произвол в преследование раскольников (с. 19). В разделе 2. 4. второй главы выясняется роль Н.П. Гилярова –Платонова в преодолении «вероисповедной ксенофобии» в русской журналистике 1860- 1880 гг. Автор пишет: «Полемизируя с «внешней» точкой зрения на раскол со всеми ее разновидностями (*полемической*, присущей митрополиту Филарету; *полицейской*, свойственной Ф. В. Ливанову и отчасти П. И. Мельникову-Печерскому; *культурной*, идеализирующей раскол, характерной для Н. С. Лескова и И. С. Аксакова), Гиляров рассматривал старообрядчество «изнутри» — как религиозное верование, «цельное, живое явление», а не только мнение» (с. 25). В разделе 2.5. показано, как Гиляров противодействовал «широко распространенному в тот период «клерикально _ бюрократическому направлению» (с. 25 – 26).Как видим, религиозные взгляды не только не мешают проявиться социальной, гуманистической позиции писателя, но даже объясняют его принципиальность. Но в этой связи стоит заметить одну не точность: вряд ли взгляды И. Аксакова на раскол были идеализирующими, ибо в исследовании раскола он был агентом правительства и собирали материалы по поручению МВД. У него не было личной неприязни к раскольникам, но было неприятие вероисповедное и отчасти нравственное. Впрочем, это замечание не умаляет достоинства данного аспекта исследования А. П.Дмитриева. Так, автор весь ма удачно связывает религиозно–философские проблемы с литературной

kritikoy, s восприятием искусства. Достаточно указать на разделы 3.7. («Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: случаи разногласия в общении единомышленников (1853—1860)», 3.8. «Н. П. Гиляров-Платонов и Ю. Ф. Самарин в работе над изданием богословского наследия А. С. Хомякова (1860—1867)», 3.10. («Н. П. Гиляров-Платонов об А. Н. Островском и русском театре как “пособнике христианской нравственности” (1867—1886)», 3.11. «Н. П. Гиляров - Платонов и Н. С. Лесков: полемическое противостояние и моменты единомыслия в церковно- общественных вопросах (1869— 1885 гг.)»). А.П. Дмитриев справедливо подчеркивает, что «случаи полемического противостояния, вызванные не различием принципиальных позиций, а психологическими мотивами или недоразумениями, уравновешивались моментами единодушия по важным церковно- общественным вопросам <...> Оба воспринимали раскол как национальную трагедию и были убеждены, что его невозможно искоренить репрессивными мерами» (с.34). Убедительно сопоставление взглядов Н.П. Гилярова _ - Платонова и И.С. Аксакова на творчество и общественную деятельность Ф.М. Достоевского (раздел 3. 12). Мы действительно убеждаемся в своеобразии публицистики Н.П. Гилярова -Платонова, понимаем отличие его взглядов и творческих методов от установок и приемов других публицистов и консервативного, и либерального лагеря.

Отдельно следует сказать о втором томе диссертации. В автореферате дана лишь его краткая аннотация. На самом деле это целый том приложений, который- впервые вводит в научный оборот 225 архивных документов – письма, дневники, воспоминания, связанные с темой исследования. Все они снабжены текстологическими , историко –литературными и лингвистическими комментариями. По существу, это еще одна диссертация, только в несколько другой форме.

Представляется, что диссертация выполнена на высоком научном и методологическом уровне, соответствует требованиям, предъявляемым ВАКом к докторским диссертациям, а А.П. Дмитриев заслуживает присвоения ученой степени доктора филологических наук.

Греков Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и журналистики Российского Православного Университета Св. Иоанна Богослова.
6 мая 2019 г.

Подпись Грекова В. К. ЗАВЕРЯЮ
Начальник общего отдела РПУ
С. Иоанна Богослова
06.05.2019

